

О ГИБЕЛИ ГЕРОЯ И НЕРАДИВОСТИ СЛУГ: ГЕРЦОГ МАГНУС ВЮРТЕМБЕРГСКИЙ В ЗЕРКАЛЕ ПОСМЕРТНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ (1622 Г.)

[Прокопьев, А. Ю.](#), [Лурье, З. А.](#), О гибели героя и нерадивости слуг: Герцог Магнус Вюртембергский в зеркале посмертного расследования (1622 г.), В кн.: Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 2019. Вып. 5 (1). С. 36–71.

[Андрей Юрьевич Прокопьев](#), д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9)
a.prokopiev@spbu.ru

[Зинаида Андреевна Лурье](#), к. и. н., ассистент, Факультет иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9)
z.lurie@spbu.ru

УДК 94(430).04

Язык: русский

Ключевые слова: Вюртемберг, Тридцатилетняя война, Магнус Вюртембергский, дворянство, Священная Римская империя, Германия

Постоянная ссылка: <http://proslogion.ru/51-prokopiev/>

On the death of a hero and negligence of servants: Duke Magnus of Württemberg in the mirror of a posthumous investigation (1622)

[Prokopiev, A. Yu.](#), [Lurie, Z. A.](#), O gibeli geroya i neradivosti slug: Gertsog Magnus Vyurtembergskiy v zerkale posmertnogo rassledovaniya (1622 g.) [On the death of a hero and negligence of servants: Duke Magnus of Württemberg in the mirror of a posthumous investigation (1622)], in: Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture, 2019. Vol. 5 (1). P. 36–71.

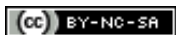
[Andrey Yur'evich Prokopiev](#), doctor of History, professor, Saint-Petersburg State University (199034, Rossiya, Sankt-Peterburg, Universitetskaya nab., 7/9)
a.prokopiev@spbu.ru

[Zinaida Andreevna Lurie](#), doctor of History, assistant lecturer, Faculty of foreign languages, Saint-Petersburg State University (199034, Rossiya, Sankt-Peterburg, Universitetskaya nab., 7/9)
z.lurie@spbu.ru

Language: Russian

Key Words: Württemberg, Thirty Years War, Magnus of Württemberg, nobility, Holy Roman Empire, Germany

URL: <http://proslogion.ru/51-prokopiev/>

А. Ю. Прокопьев, З. А. Лурье

О ГИБЕЛИ ГЕРОЯ И НЕРАДИВОСТИ СЛУГ:
ГЕРЦОГ МАГНУС ВЮРТЕМБЕРГСКИЙ В ЗЕРКАЛЕ
ПОСМЕРТНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ (1622 Г.)

Стоял жаркий майский день 1622 г. На холмах к югу от городка Вимпфен почти на берегу Неккара сошлись войска Католической лиги и их испанских союзников под предводительством Тилли с одной стороны и силы протестантов во главе с маркграфом Баден-Дурлаха Георгом Фридрихом — с другой. Битва стала кульминацией всей кампании и переломной в борьбе за Пфальц. Победа католиков и их испанских союзников по большому счету решила судьбу Гейдельберга — слишком чувствительным оказался удар. Несмотря на ряд последующих схваток, на бои под Гехстом и оборону крепостей, именно Вимпфен стал прологом трагической для Пфальца военной развязки¹.

Уже тогда разгоравшаяся война вовлекала отпрысков многочисленных дворянских родов Империи. Движимые множеством мотивов представители рыцарских, баронских, графских и княжеских семей охотно предлагали клинки обеим партиям. Война стремительно раскалывала блистательный олимп имперской знати. Битва под Вимпфеном может по праву считаться настоящим ристалищем для протестантского дворянства Швабии, Франконии и Верхнего

¹ Военно-дипломатическая ситуация кануна и после битвы под Вимпфеном в контексте Тридцатилетней войны и битвы за Пфальц: *Schmidt, G.* Die Reiter der Apokalypse. Geschichte des Dreißigjährigen Krieges. München, 2018. S. 218–228; *Kampmann, Chr.* Europa und das Reich im Dreißigjährigen Krieg. Geschichte des europäischen Konflikts. Stuttgart, 2008. S. 43–45; *Parker, G.* Der Dreißigjährige Krieg. München, 1991. S. 131–132.

Рейна. Среди командиров баденской армии мы видим младшего сына командующего маркграфа Карла, пфальцграфа Биркенфельдского Фридриха, рейнграфа Отто Людвига фон Зальм-Кирбурга, герцога Веймарского Вильгельма. Были и вассалы местных государей, такие как Плейкхард и Ганс Георг фон Хельмштадт и многие другие. Удивляться здесь не приходится — война шла на землях рыцарских кантонов Швабии, а битва состоялась почти на границе франконских и швабских округов, на стыке Кохер и Крайхгау.

6 мая 1622 г. католическим силам противостоял настоящий цвет местного протестантского дворянства. Был в баденских рядах и человек, о котором и пойдет речь: младший сын правящего тогда вюртембергского герцога Иоганна Фридриха Магнус (1594–1622). Тот день стал последним в его жизни.

О самой битве известно много. Здесь мы опираемся на детальную реконструкцию прежде всего старых историков архивариуса княжеского архива из Карлсруэ Моритца Гмелина и очерк барона Карла фон Райтценштейна². Маркграф рассчитывал на победу с наличными силами — почти 13 000 пехоты и кавалерии. За его плечами был немалый военный опыт, он слыл знатоком современных теорий и потому хорошенько укрепился на позициях вдоль ручья Белленгер, расположив по флангам конницу, а в центре — мощный пехотный кулак под прикрытием пушек и полукольца укрепленных меж собой боевых повозок — настоящий вагенбург. Тилли, подкрепленный испанцами генерала Кордовы, обладал порядочным численным перевесом, но очень боялся подхода пфальцской армии графа Мансфельда: его появление означало бы перелом в пользу протестантов. Потому почти до двух часов пополудни главком Лиги не решался на штурм сильно укрепленных позиций и все дожидался точных сведений от своих наблюдателей на смотровой башне городка Неккарсульм. Лишь когда те сообщили об отсутствии всякого движения с угрожаемых направлений, а вместо Мансфельда появились первые эскадроны

² *Gmelin, M. Beiträge zur Geschichte der Schlacht bei Wimpfen. G. Braunschweig Hofbuchhandlung. Karlsruhe, 1880* (здесь дан преимущественно обзор источников); *Reitzenstein, K. Frh., von. Der Feldzug des Jahres 1622 am Oberrhein und in Westfalen bis zur Schlacht von Wimpfen. München, 1891* (блестящий стратегический очерк сражения).

лигеров, спешивших с берегов Леха, союзники повели решительное наступление. Завязался упорный и кровопролитный бой. Счастье долго колебалось в выборе победителя. Был момент, когда маркграфу, казалось, удастся взять верх: массы его конницы, собранные на правом крыле перед местечком Оберейзесхайм, опрокинули противостоящую ей баварскую кавалерию и с фланга обрушились на их терции. Пехота Тилли дрогнула. Досталось и испанцам Кордовы. Сам их предводитель едва не был стащен с лошади и взят в плен. Лишь своевременный ввод резервов остановил бешеный натиск баденцев. Напор их иссяк, часть конницы попала в окружение и была изрублена, другая искала спасение в бегстве. Тогда же, видимо, в пятом часу решилась и судьба герцога Магнуса. Он был одним из тех командиров, чьи эскадроны приняли участие в этой знаменитой атаке. Магнус оказался в неприятельских рядах, получил несколько ранений и рухнул с лошади³.

Сражение продолжалось еще несколько часов. С большим трудом Тилли и Кордове удалось овладеть вражескими позициями. Лишь после того, как по нелепой случайности взлетели на воздух пороховые фуры в тылу у баденцев, их вагенбург был взят, и остаткам войска пришлось спасаться бегством. Завершающая фаза битвы стала почвой для рождения легенды о подвиге четырехсот горожан из Пфюрцгейма, якобы входивших в т. н. белый полк под началом Плейкхардта фон Хельмштадта — полк, прикрывавший отход главных сил и почти весь погибший на поле битвы⁴. Стрельба стихла лишь к вечеру.

Поражение протестантов было решительным и полным. Остатки своих войск маркграф, сам получивший ранение пикой в голову, распустил спустя несколько дней в Дурлахе — своей главной резиденции. Его борьба закончилась. Оставив наследствен-

³ Опыт источниковедческой реконструкции последних часов его жизни см.: *Pfister, A. von. Herzog Magnus von Württemberg: Ein Lebensbild aus dem Anfang des 17. Jahrhunderts. Stuttgart, 1891. S. 165–175.*

⁴ Действие полка при обороне Варенбурга: *Reitzenstein, K. Frh. Der Feldzug. S. 193–194*; анатомия легенды: *Reitzenstein, K. Frh., von. Der Feldzug. S. 170–171*; аргументы за и против легенды см.: *Coste, D. Die 400 Pforzheimer, in: Historische Zeitschrift. 1874. Bd 32. S. 23–48; Brombacher. Der Tod der 400 Pforzheimer nicht eine Sage, sondern eine Thatsache. Pforzheim, 1886.*

ные земли старшему сыну Фридриху и заслужив от императора персональную опалу, он отправился в эмиграцию в Базель, чтобы спустя несколько лет вернуться на датский фронт Тридцатилетней войны — уже генералом на службе датского короля Христиана IV⁵.

Сражение было проиграно, но оно удивительным образом породило персональной реванш — в героическом образе павшего герцога Магнуса. Каковы были его основания? Что дало толчок?

Публичная реакция общества на гибель вюртембергского князя, прежде всего в сфере «медийных средств» — печати разных жанров, уже обстоятельно исследована В. Кюльманом⁶. Мы же ограничимся лишь попыткой посмотреть на самые первые признаки рождения героического мифа. Интересующий отрезок сжат между датой смерти герцога 6 мая и его публичным погребением 24 мая / 3 июня. В центре внимания — удивительный прецедент, запечатленный бумагами семейного архива герцогов Вюртемберга. Едва ли у него найдется много аналогов в истории немецких княжеств.

Собственно гибель на поле боя уже в раннесредневековой традиции воспринималась как знак особой милости Всевышнего, метиной избранности, зримый знак будущего спасения. Предыстория Крестовых походов наполнялась риторикой отпущения и спасения уже по причине гибели воина от рук язычников⁷. Позже образ Роланда, павшего с мечом в руках, стал хрестоматийным для акцентирования личных добродетелей истинного дворянина.

⁵ Из новых исследований: *Roth, M.* Die Abdankung Markgraf Georg Friedrichs von Baden-Durlach: Ein Fürst im Unruhestand, in: *Thronverzicht. Die Abdankung in Monarchien vom Mittelalter bis in die Neuzeit* / Hrsg. von S. Richter, D. Dirbach. Köln/Weimar/Wien, 2010. S. 191–212; старая литература: *Ledderhose, K. F.* Aus dem Leben des Markgrafen Georg Friedrich von Baden. Heidelberg, 1890; *Gothein, E.* Die badischen Markgrafschaften im 16. Jahrhundert. Heidelberg, 1910; *Hahlweg, W.* Griechisches, römisches und byzantisches Erbe in den hinterlassenen Schriften des Markgrafen Georg Friedrich von Baden: Eine kombinierte Studie zur Geschichte des Renaissanceproblems, in: *Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins*. 1950. Bd 98. S. 38–114.

⁶ *Kühlmann, W.* 1) Der «Heldentod» (1622) des Magnus von Württemberg in Bernhard Dieterlins *Magneis* (1623), in: *Daphnis*. 2018. Bd 46. S. 143–187; 2) Die Schlacht bei Wimpfen (1622) und der Reitertod des Herzogs Magnus von Württemberg (1594–1622), in: *Medienphantasie und Medienreflexion in der Frühen Neuzeit: Festschrift für Jörg Jochen Berns* / Hrsg. Th. Rahn, H. Rößler. Wiesbaden, 2018. S. 159–181.

⁷ *Mayer, H. E.* Geschichte der Kreuzzüge. Stuttgart/Berlin/Köln/Mainz, 1980. S. 22.

Смерть при исполнении священного долга вассала или на защите церкви венчала всю нехитрую составляющую земного подвига. В глазах церкви она заслуживала достойной «мемории»⁸.

Несомненно, век религиозного раскола и обостренное чувство готовности к последней борьбе резко актуализировали тему. Культ мученичества переживал настоящий расцвет на стыке XVI–XVII столетий. Протестанты, особенно кальвинисты, помнили о жертвах августовской резни 1572 г. в Париже и возносили павших своих предводителей, католики с таким же успехом прославляли покойных глав орденских корпораций и жертв протестантских гонений⁹. Такова была европейская ипостась конфессиональной борьбы. Картина в Империи выглядела несколько иначе. Почитание мучеников за св. Евангелие из числа знати пока еще не получило сильного развития и по причине отсутствия значимых прецедентов, и в силу известной «диссимуляции» Аугсбургского мира, подводившего пусть и слабый, но все же компромисс между двумя партиями. Своеобразным символом становился образ курфюрста Морица Саксонского (1521–1553), погибшего под Зиверсгаузеном в 1553 г. Курфюрст возглавлял войска, сражавшиеся за дело общееимперского мира и самого императора против мятежников, тоже протестантов, во главе с маркграфом Кульмбахским Альбрехтом Алквииадом. Мориц превратился в фигуру, память о которой устраивала оба лагеря. Его смерть становилась символом жертвенности во имя всей Империи, равно как и ее протестантской половины, коль скоро мир 1555 г. гарантировал интересы единоверцев. Его посмертная мемория, тщательно выстроенная при наследнике его Августе I (1553–1586) и увенчанная сооружением великолепного кенотафа во фрайбергской усыпальнице, отражала комбинацию династических, конфессиональных и имперских аспектов¹⁰.

⁸ Литература весьма обширна. Квинтэссенцией здесь можно все еще считать: *Флопу, Ж.* Идеология меча: Предыстория рыцарства. СПб., 1999. С. 223–224.

⁹ *Koch, E.* Das konfessionelle Zeitalter — Katholizismus, Luthertum, Calvinismus (1563–1675). Leipzig, 2000. S. 140, 111–113; *Burke, P.* To be a Counter-Reformation Saint, in: *Religion and Society in Early Modern Europe 1500–1800*. London, 1984. P. 45–55.

¹⁰ *Magirius, H.* Das Moritzmonument im Freiburger Dom: Ein Gemeinschaftswerk italienischer, niederländischer und deutsche Künstler zum Andenken an eine hervorragende Fürstenpersönlichkeit, in: *Kurfürst Moritz und die Renaissance* / Hrsg. von Dresdner Geschichtsverein. Dresden, 1997. S. 87–92; *May, H.* Der Einfluss der Reformation auf Kirchenbau

Жертвы вимпфенской битвы пришлись уже на другую эпоху. Магнус Вюртембергский был одним из первых представителей высшей имперской знати, оросившим свою кровью поля Тридцатилетней войны.

Впрочем, как имперский князь, он был и членом династии. Вполне естественно, что первая реакция должна была последовать из Штутгарта, и она сразу же словно бы сфокусировала в себе все прочие аспекты будущей пропаганды. В истории Вюртембергского дома — и до, и после Реформации — было немало воинственных натур. Знаменитый герцог Ульрих охотно брался за меч, когда считал, что угрозу его имени и дому способен отразить только меч. Его первенец Христофор строил крепости и превратил наследственные земли в настоящий укрепленный плацдарм евангелической веры. Фридрих I (1557–1608), отец Магнуса и Иоганна Фридриха (1582–1628), не воевал, но хорошо разбирался в вопросах военно-оборонительного зодчества и современных теориях. Но ни один из них не стяжал славу государя, павшего на поле брани. Магнус был первым за много времени. Оплакивая его, старший брат указывал на столь трагическое первенство в своем дневнике. «За сто лет, — писал он по получении точных известий о судьбе Магнуса 8 мая, — ни один герцог вюртембергский не погибал такой смертью»¹¹. Правителю вторили сановники и духовенство: «Первая смерть династа на поле битвы за сто лет». Трагика словно бы подчеркивала мотив исключительности. Его гибель уже становилась аргументом героической легитимации. Но подобный дискурс, разумеется, не мог считаться особым и исключительным. В примере же с нашим герцогом важность обрели неожиданные детали.

Иоганн Фридрих, без сомнения, не желал участия брата в возможных баталиях. Страх объяснялся не только боязнью за жизнь близкого человека. У правящего герцога уже были законные наследники, Магнус же оставался одиноким до конца дней. Выделенный ему удел по братскому соглашению 1617 г. исчерпывался

und kirchliche Kunst, in: *Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen. Festgabe zum 450jährigen Bestehen der evangelisch-lutherischen Landeskirche Sachsens* / Hrsg. von H. Junghans. Berlin, 1989. S. 153–176; Прокопьев, А. Ю. Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1585–1656). Власть и элита в конфессиональной Германии. СПб., 2011. С. 126–128.

¹¹ Pfister, A., von. Herzog Magnus von Württemberg. S. 179.

крохотной землицей вокруг резиденции Нойенбург на северо-западном захолустье, почти на границах с баденскими владениями. Как младший среди детей знаменитого Фридриха I, Магнус не мог рассчитывать на большее, и никакую конкуренцию старшему брату он не представлял и, видимо, о ней и не помышлял. Юный герцог получил совершенно обычное для династии «домашнее» образование, благо что Вюртемберг был богат собственной *alma mater* — Университетом Тюбингена¹². Слава о нем гремела по всей протестантской Германии. Его выученики, особенно по духовной линии, занимали престижные места при дворах ведущих лютеранских княжеств, включая Дрезден¹³. Обычным стал и итоговый тур по Северной Италии, обстоятельства которого прекрасно отражены по ежедневным счетам и запискам: Фридрих I приучал родню вооружаться не только верой, но и модной эстетикой позднего Ренессанса среди конфессиональных недругов¹⁴.

Но склонность к военному делу смолоду направила Магнуса на широкое поприще предводителя наемных контингентов. Под началом земляка и вассала графа Левенштейна он состоял на венецианской службе. Позже он получил командный пост в армии

¹² Обстоятельства жизненного пути: *Pfister, A., von. Herzog Magnus von Württemberg. S. 1–49; Raff, G. Nie gut Wirtemberg allewege. Bd 2: Das Haus Württemberg von Herzog Friedrich I. bis Herzog Eberhard III. Mit den Linien Stuttgart, Mömpelgard, Weilingen, Neuenstadt am Kocher, Neuenbürg und Oels in Schlesien. 4. Schwaigern, 2014. S. 293–308* (богатый материал с указанием источников и с отзывами современников и потомков); *Gotthardt, A. Magnus Herzog von Württemberg, in: Das Haus Württemberg: Ein biographisches Lexikon / Hrsg. von S. Lorenz, D. Mertens, V. Press. Stuttgart/Berlin/Köln, 1997. S. 150.*

¹³ См.: Роль университета Тюбингена в конфессиональную эпоху: *Köpf, U. Die Tübinger Theologische Fakultät zwischen Reformation und Dreißigjährigen Krieg, in: Universität Tübingen: Festgabe für Dieter Mertens zum 70. Geburtstag / Hrsg. von U. Köpf. Tübingen, 2010. S. 101–118; Ср.: Прокопьев, А. Ю. 1) Сакральная миссия границы: Вюртемберг в конфессиональную эпоху, В кн.: *Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2012. Вып. 9. С. 107–129; 2) Светская и духовная власть в ранней ортодоксии: Поликарп Лейзер Старший (1552–1610), В кн.: *Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. 2016. Вып. 5. С. 198–233.***

¹⁴ Личность Фридриха I как протагониста Ренессанса и политика в новом свете: *Sauer, P. Herzog Friedrich I. von Württemberg 1557–1608: Ungestümer Reformier und weltgewandter Autokrat. München, 2003.*

Унии, при роспуске которой оставался попросту не у дел. Именно здесь возникал первый тревожный момент в отношениях между братьями. Иоганн Фридрих прекрасно осознавал мощь Габсбургов и Лиги. Белая гора и развязка богемского восстания убили в нем всяческие иллюзии относительно надежности протестантских союзных структур. Сам, будучи в свое время участником альянса и имея среди главных помощников столь ярко выраженных протагонистов радикального курса, как, например, Бенджамин Бувингхаузен фон Вальмероде, герцог боялся репрессий¹⁵. Главная его задача сводилась к последовательному нейтралитету, не раздражавшему императора. Отсутствие родственников на службе мятежных князей и прежде всего опального Фридриха Пфальцского выступало здесь первейшим условием. Магнусу же не терпелось проявить себя в деле. Во всяком случае менять военную карьеру на полунищенскую жизнь в резиденции подобно его третьему брату, «ученому» Фридриху Ахиллу, он явно не хотел¹⁶. Между тем 1621 г. предвещал нелегкие времена для Пфальца и округи. Маркграф Баден-Дурлаха Георг Фридрих (1573–1638) после долгих раздумий решил выступить в поддержку экс-короля Богемии, опального курфюрста Пфальца Фридриха V. Магнусу явно хотелось поступить под его начало. Брат не желал ссор, и итогом

¹⁵ Династический и имперский курс Вюртемберга тех лет подробно освещен у А. Готтхардта: *Gotthard, A. Konfession und Staatsräson: Die Außenpolitik Württembergs unter Herzog Johann Friedrich (1608–1628)*. Stuttgart, 1992; деятельность Бенджамина Бувингхаузена фон Вальмероде (1571–1635): *Gotthard, A. 1) Benjamin Bouwinghausen: wie bekommen wir die «Männer im zweiten Glied» in den Griff?*, in: *Persönlichkeit und Geschichte* / Hrsg. von H. Altrichter. Erlangen, 1997. S. 69–103 2) «Bey der Union ain Directorium»: Benjamin Bouwinghausen und die protestantische Aktionspartei, in: *Dimensionen der europäischen Außerpolitik zur Zeit der Wende vom 16. bis zum 17. Jahrhundert* / Hrsg. von F. Beiderbeck. Berlin, 2003. S. 161–186.

¹⁶ Фридрих Ахилл (1591–1631), сын герцога Фридриха I. Телесная ущербность исключала возможность для него военной карьеры. По «братскому соглашению» 1617 г. получил удел с центром в Нойенштаде-на-Кохере, где с увлечением занимался историей, географией и собирательством книг. Скончался в своей же резиденции, неженатым и бездетным. См.: *Gotthard, A. Friedrich Achilles*, in: *Das Haus Württemberg*. S. 149; *Raff, G. Hie gut Wirtemberg allewege*. Bd 2: *Das Haus Württemberg von Herzog Friedrich I. bis Herzog Eberhard III. Mit den Linien Stuttgart, Mömpelgard, Weiltingen, Neuenstadt am Kocher, Neuenbürg und Oels in Schlesien*. 4. Auflage. Schwaigern, 2014. S. 264–273.

стал своего рода компромисс: воинственному молодому человеку разрешалось командование с условием не ввязываться в битву и не компрометировать Дом.

Как только стала ясна неизбежность генеральной встречи, Иоганн Фридрих исполнился тяжких тревог. Перед ним лежало последнее письмо брата, датированное 18 (28 по новому стилю) апреля, из квартиры в Острингене. Магнус с бравадой сообщал об исходе схватки при Мингольсгейме, выигранной протестантами, о том, как рубился в авангарде пфальцских войск, и о скором соединении баденцев с экс-королем и Мансфельдом¹⁷. Было ясно, что молодой офицер не упустит возможность выказать удаль и в следующий раз.

Предчувствие не обмануло его брата. Весь день 6 мая он прохаживался по галерее штутгартского замка, видимо, напряженно вглядываясь в ту сторону, где, судя по всему, решалась судьба кампании. Он вряд ли мог слышать канонаду: гряда холмов отделяла его резиденцию от долины Неккара и Крайхгау. Стояла удушливая жара, и герцог не находил себе места. Видимо, уже в ночь на 7 мая пришло первое тревожное сообщение об исходе дела. Князь тогда же и немедленно снарядил в Гейльбронн — главный город округа, где предполагалось сражение, — своего лейб-медика со всевозможными пропусками. Днем печальный итог подтвердился. Иоганн Фридрих отметил в своем дневнике: «К сожалению, получили дурные вести, что маркграф Баденский разбит наголову. Вся его артиллерия и боевые повозки потеряны, и брат мой Магнус ранен и потерян, так что неизвестно, пленен или мертв; немедленно послано к Тилли, чтобы пощадил наших при преследовании, коль скоро баденское войско отступает в вюртембергскую землю»¹⁸. К главнокомандующему Лиги отправили двоих: кеммерера Ахация фон Леймингена и советника Фердинанда фон Гайскофлера.

Спустя день в Штутгарт прибыл сам разбитый маркграф и его супруга, родная сестра герцога Иоганна Фридриха. Наконец, 29 апреля (9 мая) вернулся Лейминген, «каковой привез ужасающее известие, что брат мой Магнус мертв и его нашли прямо

¹⁷ Pfister, A., von. Herzog Magnus von Württemberg. S. 150–151.

¹⁸ Pfister, A., von. Herzog Magnus von Württemberg. S. 178.

на поле битвы, у него прострелена голова и на ней же еще три раны, разрублена шея, левая рука разрублена надвое, а у правой потерян мизинец и еще один удар нанесен в плечо. Боже Всемогуший. Будь милостив к его душе!». 30 апреля (10 мая) отрядили кортеж из 30 лошадей для транспортировки тела. Мертвый Магнус вернулся в третьем часу ночи на 1 (11) мая. Герцог поспешил к покойнику. «В семь часов утра я пришел в камеру (где положили герцога. — А. П.) и сам осмотрел тело, каковое имело на голове две стреляные и семь колотых ран, левая рука почти разрублена напополам, одна рана на левом плече, на правой же руке отрублен мизинец. Так, следовательно, он получил 12 ран, рыцарски сражаясь за свою жизнь, к прискорбию столь рано оконченную»¹⁹.

Итак, Магнус не только пал на поле брани. Смерть его оказалась необычно жестокой. Число и характер ранений потрясали даже современников. Бросалась в глаза диспропорция — четыре раны из одной две получены в голову! Именно это поразило Иоганна Фридриха больше всего: сообщая о письме Леймингена, он ставит упоминание этих ран на первое место. И с неподдельной эмоциональностью он перечисляет их в своем дневнике после осмотра трупа.

1 (11) мая последовало распоряжение советнику герцога Людвигу Андреасу Лемблину взять к себе хаузгофмейстера с камермейстером и учинить допрос всем слугам покойного, которые в день битвы должны были находиться подле своего господина. Говорилось о желании герцога получить информацию о назначениях, сделанных братом с момента своего последнего отъезда. «Какие слуги или кто из дворян, вооруженных или пажей, были при нем или должны были быть, что каждому из них вменялось в обязанность, и как он ее исполнял или же (как гласят слухи) оставил в небрежении. Но прежде всего, кому было вверено его оружие и доспехи, каковые при его персоне должны были быть и в нужном случае не обнаружались, кто таковое сделал или нет, чем извинялись тот или другой. Чтобы так допрошены были все купно, дабы виновные стали известны, а невинные не попали бы под подозрение...» Допрос надлежало вести под присягой²⁰.

¹⁹ Pfister, A., von. Herzog Magnus von Württemberg. S. 180.

²⁰ Черновик («Концепт») распоряжения от 1 (11) мая 1622 г. (Главный государственный архив Штутгарта, далее — HStAS G 82 Bü 2 Den in der Schlacht bei Wimp-

Был составлен и вопросник, датированный 8 (18) мая. В отличие от многословного черновика мемориала он ясно очерчивал приоритеты. Перед нами 12 пунктов. Первый требовал присягу, второй спрашивал о вышеупомянутых назначениях, третий — о том, как допрашиваемый вел себя «при дворе» и во время битвы. Четыре следующих касались исключительно состояния доспехов князя. Интересовало, как был вооружен и защищен герцог, почему не имел шлема (*Pott*), хотя неоднократно требовал его, кто отвечал за шлем и оружие и где находился тот, кто содержал доспехи и оружие павшего государя во время битвы, и по каким причинам он так и не подал герцогу шлем²¹. Восьмой пункт интересовало, кто из слуг оставался при герцоге от начала и до конца во время битвы, девятый — что случилось после того, как герцог повел в атаку свой «эскадрон», десятый — как погиб покойный, одиннадцатый — кто был свидетелем гибели и, наконец, двенадцатый — почему они, герцогские слуги, бросили на произвол судьбы своего полковника, вокруг которого, судя по слухам, более чем на 100 шагов не было никого из своих²².

Условно все 12 можно свести к двум главным вопросам: почему погибший оказался недолжным образом снаряжен и почему его слуги держали себя столь безобразно в ходе сражения. Риторика уже содержала элемент обвинения. Иоганн Фридрих очевидно располагал предварительными сведениями о том, как примерно погиб его брат. От кого? Видимо, что-то сообщил Лейминген под первыми впечатлениями от виденного и еще не прибранного поля битвы, что-то могли предать лигеры, тем более что сам Тилли отправил герцогу пространную депешу 7 мая, а после в Штутгарт явились и его посланцы, которые на словах могли передать детали, не подлежащие публичной огласке. Наконец, наверняка говорили

fen erfolgten Tod und des Begräbnis des Prinzen Magnus betr. 1622. Без пагинации).

²¹ Следует ли понимать под *Pott* или *Casquet*, как часто значилось в отчете, открытый шлем на «венгерский манер», лишенный забрала и с большим козырьком, весьма модный в ту эпоху? Ср.: *Brezezinski, R., Hook, R. Die Armee Gustav Adolf. Infanterie und Kavallerie. Königswinter, 2006. S. 58, 61.*

²² HStAS G 82 Bü 2. Interrogatoria darauff, Hertzog Magni, hochseel. Gedächtnis hinderlaßene Diener gefragt worden. От 8/18 мая 1622 г.

разбитые союзники — сам маркграф, его сын Карл, кто-то еще, из числа бежавших в Штутгарт в те дни²³.

Но еще прежде допроса самыми существенными должны были стать показания некоего Вольфа Штробеля из Лаутербурга от 3/13 мая, ошибочно датированные А. Пфистером 23 мая. Штробель под присягой заявил, будто герцога застрелил один лейтенант из полка Фюрстенберга. Сам же герцог оказался среди неприятельской пехоты без всякого сопровождения (*ohne einige Comitatu kometen*)²⁴.

Ясно, однако, что толчок был задан огромным числом ран, прежде всего головы, оказавшейся почему-то незащищенной в решающие для Магнуса минуты. Стало быть, интересовали вопросы статуса, точнее соответствие увиденной картины нормам сословной повседневности. Можно простить гибель на поле брани, но нельзя попустительствовать ущербу в репутации, повлекшей гибель. Складывалась весьма неприглядная ситуация. Нужно было хорошо разобраться узким кругом, оставить расследование запертым стенами резиденции. Ибо речь шла как раз о репутации.

Тем же днем, которым был датирован вопросник, был подписан и итоговый отчет о состоявшемся дознании. Под ним стояли имена Иоахима фон Драушвитца и Эрхардта фон Раммингена. Преамбула сообщала, что прежде назначенный для проведения допроса генеральный комиссар Лемблин не мог приступить к отправлению своих функций по причине иных обязанностей. Всего было заслушано 18 лиц. Они не исчерпывали весь штат герцога Магнуса и не все принадлежали к нему. Но как значилось в конце отчета, «поскольку

²³ *Pfister, A., von. Herzog Magnus von Württemberg. S. 180.*

²⁴ HStAS G 82 Bū 2. Запись вложена в отчет от 8 (18) мая перед первым его листом и датирована 3 мая старого стиля, (т.е. 13-м нового). См. сноску 24. А. Пфистер, ошибочно определяя время составления документа, посчитал его последним в череде показаний (*Pfister, A., von. Herzog Magnus von Württemberg. S. 198*). Допрос состоялся в присутствии хаузгофмейстера Лемблина и еще двух — Кеттлина (*Kettlin*) и Шмидтлина (*Schmidtlin*). Между тем, четыре дня, отделяющие составление этого документа от итогового отчета, позволяют говорить, что именно заявление Штробеля могло решительно подтолкнуть следствие. Возможно, он и упомянул те самые «100 шагов» вокруг гибнущего Магнуса, в радиусе которых не было никого из его людей, — слова, столь впечатлившие брата.

прочие знали еще меньше, чем указанные», решили ограничиться опрошенным кругом²⁵.

Мы не слышим прямой речи допрашиваемых. Перед нами лишь протокол, сохранивший пристрастность и наверняка опустивший все то, что, по мнению «следователей», не содействовало ясности в главном.

Итак, что поведали люди из ближайшего окружения нашего героя о его последних часах?

Первым говорил его гофмейстер Вернер Дитрих фон Мюнхинген (*Münchingen*)²⁶. Он не принял от покойного никакого особого штата, справлял свои обычные обязанности и поскольку перед сражением отослан был в Штутгарт, то ничего больше сказать не может.

Вторым следовала персона гораздо более значимая: личный паж герцога Вольф Моритц фон Грефендорф (*Grävendörff*)²⁷. Он и «слуга при лошадях» (*Sättelknecht*) некто Бартель, были при своем господине в день битвы. Магнус будто дважды надевал доспехи, но ограничивался всякий раз лишь кирасой, «был прикрыт сзади и спереди». «На вопрос же его и Бартеля относительно каски, тот однако через трубача велел передать, чтобы держали ее под рукой. После чего он [Грефендорф] положил ее в повозку, и поскольку покойная княжеская милость ее так и не потребовала, то он [Грефендорф] во время битвы надел ее на себя. И он ни разу

²⁵ HStAS G 82 Bü 2. Untertänige Relation über die Verhörung weiland Herzog Magni hochseelige angedenckens hinderlassener Diener. Датирована 8 мая (18 мая). Текст хорошо известен немецкой историографии, но до сих пор в нем интересовала лишь фактическая сторона, касавшаяся деталей гибели и хода самого сражения. Его содержание фрагментарно изложено у М. Гмелина (*Gmelin, M. Beiträge...* S. 135–139), более полно, но с пропусками и грубыми ошибками А. Пфистера (*Pfister, A., von. Herzog Magnus von Württemberg. S. 189–198*).

²⁶ У Пфистера фамилия неверно транскрибирована как Remchingen (*Pfister, A., von. Herzog Magnus von Württemberg. S. 189*). Семья Мюнхинген принадлежала к одной из старейших в Швабии, ее представители числились членами рыцарских кантонов Неккар-Шварцвальд и Кохер, давших вюртембергским герцогам многочисленных вассалов в качестве слуг при личном хозяйстве и администрации.

²⁷ В перечне пажей и прочих слуг у В. Пфайльштикера не значится: *Neues Württembergisches Dienerbuch / Bearb. von W. Pfeilsticker. Bd 1: Hof, Regierung, Verwaltung. Stuttgart, 1957. § 23f.*

после не слышал требований о каске, равно как и не мог видеть их княжескую милость, поскольку с ним были только его слуги (*Auffwarter*), а он же сам с прочими должен был находиться позади войск. И уже когда государь отправился во главе своего эскадрона, то повстречался ему трубач Хойзлейн с сообщением, будто князь потерялся, а вслед за тем и один из дворян маркграфа (т. е. Георга Фридриха. — А. П.) сообщил, что и сам генерал (т. е. маркграф. — А. П.) пропал, и что случилось — неизвестно. И будто видел он его в последний раз, лишь когда князь утолял жажду и обратился к своему войску. Наконец, к нему подошли Буттфельд и Дахсберг и жаловались друг другу на тяжесть положения. Что же случилось после взрыва пороха, он ничего не знает».

Иоахим Эрнст фон Равиц (*Rawitz*) сообщал, что службу справлял с усердием, как и положено всем. Покойный в день битвы носил только кирасу, и будто от «платтнера» (*Plattner*) т. е. доспешного мастера, он слышал, что тот якобы требовал и каску, и она была при нем. Но после он ее не просил, что слышал он и от слуги при лошадях. Все снаряжение оставалось в повозке при Гrefендорфе. И когда герцог потребовал кирасу, ее дали тотчас. Кто же был при его особе с начала битвы до конца, он не знает. Сам же Равиц встретился с остальными слугами и поваром лишь у Гейльбронна. Герцога он видел в последний раз, когда тот подкреплялся напитками. Магнус будто дважды приказывал ему убираться в повозку. Что было дальше, Равиц не знал, кроме того, что спустя три четверти часа после начала битвы некий рейтар из части Веллеворта успел сообщить, будто герцог то ли взят в плен, то ли погиб, но кто был при сем деле, он не знает и больше ничего сказать не может.

Далее свидетельствовал Константин Раммингер (*Ramminger*), герцогский цирюльник и по обычаю времени хирург. Он никогда не слышал жалоб на каких-либо слуг, справно выполнял все, что поручали. В день битвы ему и прочим врачам сказано было быть при повозках вагенбурга, и видел он покойного в последний раз, когда тот подкреплялся напитками и велел ему перевязать раненых, и будто при сем «изволил заметить, что никогда не хотел бы получить рану, из которой бы вытаскивали столько лохмотий». По его же приказу перевязывали и раненых вражеских солдата. Сам же

герцог был защищен кирасой и будто больше ничего не требовал, прочее же оружие лежало в обозе, каковым надлежало в тот день заведовать Грэфендорфу. Требовал ли герцог каску, как он погиб и кто был при нем в тот момент, он не знает. Сам же Раммингер несколько раз кричал другим врачам, что никто из эскадрона герцога назад не вернулся и теперь все они должны дожидаться смерти на месте либо бежать. Еще же он слышал, будто герцога подстрелили, и он вместе с лошадью оказался среди неприятеля. Но об этом лучше может рассказать «некий лейтенант или кто еще», кого он встретил на пути во время бегства.

Следующий из допрашиваемых, камердинер Вальтер Райм (*Raim*), уверял, что не знал о каких-либо провинностях слуг, относительно же снаряжения герцога — будто тот потребовал лишь двустороннюю кирасу и ничего больше. Но дальше следовало важное признание: «За два часа перед битвой приехав к обозу вновь, его княжеская милость не захотела надевать каску, поскольку прочие командиры ее также не носили, и она осталась у Грэфендорфа, каковой ее надел сам». Во время же битвы он, Райм, вел лошадь герцога, «снял» (*abgesetzt*) неприятельского солдата, пытавшегося стрелять в герцога, и забрал его лошадь, каковая была под ним позже убита. Во время сражения перед фронтом эскадрона были только личные слуги князя, сам же он вместе с Грэфендорфом, квартирмейстером и слугой при лошади оставался позади войск. Он видел и слышал, как герцог обратился с ободряющей речью к солдатам и при атаке свалил одного корнета и был впереди. Больше же не смог его видеть из-за густого дыма и пыли. Слышал только, что вернувшиеся из боя рейтары говорили, будто потеряли из виду покойного господина. Никаких иных подробностей он сказать не может, ни один из слуг вроде бы не был при герцоге во время боя, и он сам видел лишь одного рейтера по имени Лорбергер, последовавшего к герцогу и упавшего с лошади. Жив ли или мертв он тогда был, сказать не мог.

Лейбшнейдер Ганс Вильгельм Христиан фон Ройншайм (*Reunschein*), служивший герцогу уже как 15 лет со времен тюрингенского периода, не слышал о жалобах на слуг, герцог был снаряжен кирасой. Все прочее лежало в обозе, относительно каски он ничего сказать не может. Сам же он, полковой секретарь, пастырь

и кухенмейстер пребывали в повозке, каковую герцог приказал отвести еще дальше, как раз когда подле него был Лемблин, гонец из Штутгарта. Больше ничего сказать не может, кроме как то, что Равиц поднес герцогу напитки. Что было после, не знает.

Примерно о том же вещал и кухенмейстер Георг Шютценхубер «из Вены» (*Schützenhuber von Wien*): герцог был при кирасе, требовал ли он каску, ему не известно. Всем снаряжением заведовал Грэфендорф. После двух часов пополудни он пребывал в обозе. Позже, после взрыва пороховых повозок, бежал в Лауффен.

Большие подробности сообщали военные. Трубач Рутгер Флек из «земли Берг» (*Rutger Fleck aus dem Landt zu Berg*) сообщил, что герцог носил кирасу, будто бы требовал и каску и она тотчас была принесена, но он ее так и не надел. Оружием же занимались камердинеры и пажи. Во время боя герцог разделил свой полк, лейб-эскадрон был поставлен позади первого полка и он видел герцога, ведущего сам полк, позже потерял его из виду и вновь увидел перед обозом, где тогда собрались и прочие князья. После же герцог пошел в атаку с тремя своими эскадронами, в каждом не более 100 человек, сразу на два неприятельских полка — на пеший и конный. Позже он видел только лишь вернувшиеся назад эскадроны «его светлости и маркграфа Карла». И когда он спрашивал о своем герцоге, враг уже подступил к обозу и все они должны были бежать за повозки. «И когда один из врагов приблизился к повозкам и крикнул: «Что за войско тут?» был он тотчас подстрелен майором из полка Гольдштейна. Тот выслал вперед солдата, дабы принести трофей (с убитого. — А. П.), после чего солдат принес шляпу его княжеской милости (позже полученную им от майора), как раз с того места, где он [Флек] потерял из виду его княжескую милость». Больше трубач ничего узнать о судьбе князе не смог.

Шталмейстер Генрих фон Буттфельд (*Buttfeld*) добавил ко всему, что перед сражением покойный государь вообще не был снаряжен и все доспехи лежали в обозе. Когда же пришло письмо из Штутгарта с требованием вернуться домой, герцог пил при обозе. Прочитав письмо, стал невесел и сказал будто бы ему, Буттфельду, что следовать письму значило бы поступить против репутации («solches nunmehr mit Reputation nicht eingehen»). В конце концов потребовал кирасы, слуг же отослал в тыл, не захотел по просьбе

Буттфельда садиться на другую лошадь, сам же Буттфельд взял пистолеты с другой и «привязал» их к лошади герцога.

Когда же начался бой, герцог приказал увести все письма, бывшие при нем, кроме письма ему от Кордовы по делу графа Виттгенштейна. Потом явился маркграф Карл с известием, что враг уже висит на флангах, на что герцог ответил, чтобы маркграф говорил тихо и его бы не слышали свои. Князя после этого некоторое время совещались. Потом же герцог будто бы отправил своих слуг прочь, с другими же, и в том числе с Лемблином, выпил еще. Потом же прибыл еще квартирмейстер от полковника Гольдштейна, просившего уже выступать. И будто прежде чем герцог разрядил свои пистолеты, у него уже были раны. Буттфельд потерял герцога из виду. Сам же шталмейстер подстрелил «некоторых из врагов», но больше ничего не мог сделать для герцога по причине пыли и плохой видимости. Когда же не осталось на месте ни одного рейтара, они, его сопровождающие, также пустились прочь. Шталмейстер в конце просил извинить их перед покойным государем.

И в конце его допроса еще важная вставка: будто бы некто Кановски (*Counovsky*)²⁸ из войск герцога Веймарского показал, якобы покойный герцог прискакал к ротмистру Зекендорфу, будучи уже раненым, но высказывая намерение еще раз схватиться с врагом. Ротмистр отсоветовал, но герцог якобы был непреклонен, после чего и был собственно убит. Повстречавшиеся ему, Буттфельду, остатки лейб-эскадрона герцога не насчитывали и 20 человек.

Эрнст Конрад фон Гайсберг (*Gaißberg*) говорил, что герцог был облачен в кирасу, сам он ничего не слышал о требовании каски²⁹. Но что крепление от доспехов было потеряно за несколько дней до этого, а сами они находились в обозе. «Поскольку же сам генерал (т. е. маркграф. — А. П.) не носил каску, то его покойная княжеская милость пожелал сделать то же». Грэфендорф

²⁸ Очевидно, шталмейстер герцога Веймарского Вильгельма (*Pfister, A., von. Herzog Magnus von Württemberg. S. 195*).

²⁹ Гайсберг принадлежал к весьма именитой швабской семье, представители которой с позднего Средневековья служили вассалами Вюртемберга и занимали различные посты в личном хозяйстве герцогов: *Neues Württembergisches Dienerbuch. Bd 1. §§ 26–29, 69–73*.

и Равиц были при эскадроне герцога, и он их видел. Кроме графа фон Зольмса, его (Гайсберга), Буттфельда и двух Дахсбергов герцог не пожелал никого иметь при себе. Когда же уже начался бой, он, герцог, приказал убираться прочь всем его слугам, кто куда хочет и «с выхваченным пистолетом помчался вперед». При сближении с неприятелем эскадрон герцога дал залп, один из вражеских всадников хотел было подстрелить его лошадь, но он, Гайсберг, успел его «снять» из пистолета. Другой же, однако, успел нанести герцогу удар. Магнус был оттеснен собственными людьми и отделен от них. И когда его рейтары взяли вправо, он, Гайсберг, потерял герцога из виду, потом отклонился влево и сражался вместе с эскадроном ротмистра Хорнека в надежде найти государя. Когда же рассеялся и этот эскадрон, он еще бился некоторое время вместе с двумя другими отрядами, командир которых ему остался неизвестен. Слуг герцога Гайсберг больше также не видел. Он не скрывал своей вины, если герцог не был прилично снаряжен. Но в остальном, с его слов, все было вполне по обычаю.

Допрашиваемый вслед за ним Кристоф фон Дахсберг (*Dachsberg*) подтвердил слова предыдущего: герцог не хотел надеть каску, поскольку ее не носил тогда и маркграф. Само же снаряжение было всегда подле. При герцоге было пять слуг, бывших с ним в битве. Из-за дыма мало что было видно, но они пробились сквозь вражеские ряды и вернулись назад. После герцог, встретившись с квартирмейстером полка Гольдштейна, вновь отправился в атаку, и больше Дахсберг его не видел. Сам же он успел подстрелить одного вражеского солдата.

Вернувшись и не найдя на месте конницу, он вместе со слугами сидел в обозе и после отправился в отступление. В ночь после битвы Дахсберг добрался до Лауффена.

Родственник первого Кристоф фон Дахсберг признался, что вербовался в разные войска, маркграфа и вюртембергские, остался тогда, однако, при войсках маркграфа. Подтвердил, что покойный государь не требовал каски и поскольку никто из старших офицеров ее не носил, то не пожелал надевать ее и он. Слуг же при особе герцога было пять³⁰. Последовала атака, они прошли сквозь

³⁰ А. Пфистер неверно транскрибирует «5» в «6» (*Pfister, A., von. Herzog Magnus von Württemberg. S. 197*).

вражеские ряды и вернулись назад, и будто Буттфельд просил государя быть все время при его эскадроне. Потом по напоминанию квартирмейстера полковника Гольдштейна герцог бросился в бой вновь, и там уже трудно было что разобрать. Он, Дахсберг, рубился, свалил нескольких вражеских солдат и потерял герцога из виду. Вернувшись к повозкам, он нашел там слуг, и они отсиживались, пока не взорвался порох и не убежала конница. Вечером добрался до Лауффена.

«Слуга при лошадях» Бартель Шмидт (*Schmidt*) и Людвиг Лейбфрид (*Leibfridt*, «*genannt Dreher*») мало что могли добавить к сказанному: герцог носил в день битвы кирасу и каску не требовал. При нем были лишь его личные слуги, а они же двое весь день отсиживались в обозе.

Повар Филипп Альтханс из Дармштадта (*Althans von Darmstatt*) сообщил, что герцог перед битвой с утра держал холодную кухню и уже в самый день сражения он готовил ему еще раз прямо в поле. После же князь приказал всем отправиться в обоз, а позже, когда явились Грефендорф и Гайзберг с извещением, что герцог вроде бы убит, он, Альтханс, бежал за укрепленные повозки и герцога с тех пор не видел. Со слугами его повар встретился уже в Гейльбронне.

И вновь звучал голос военных. Еще один трубач, Георг Христиан (*Christianus*), подтвердил: герцог носил только кирасу, о требованиях каски с его стороны ему ничего не известно. При начале сражения герцог приказал трубачам стоять на 50 шагов позади, что он и сделал, и покойного князя более не видел. Когда же вернулся эскадрон герцога, то он присоединился к нему. Стояло огромное облако пыли, поднятое войсками, он же сам вместе с герцогскими слугами встретился уже в Лауффене.

Еще один трубач по имени Янсу (*Janssu*) ничего нового к сказанному не добавил. Он подтвердил намерение герцога выглядеть так же, как и маркграф — Магнус носил кирасу без каски, как и прочие высокие офицеры.

Потом допрашивали мундшенка Леонгарда Штейнлейна (*Steinlein*). Тот показал, что утром в день сражения герцог имел холодную кухню вместе с Лемблином (тем самым гонцом из Штутгарта). Он же, Штейнлейн, оставался за повозками «в долине» вместе с прочими слугами. Когда же стали взрываться пороховые

повозки, все они «через проход» бежали в Гейльбронн. Кто был тогда при особе герцога, он не знает.

Так говорили свидетели трагедии. В конце отчета опытные советники спрашивали Иоганна Фридриха, какие назначения он собирается сделать слугам в виду предстоящего погребения их покойного патрона, кого оставить, кого отпустить. Понятно, что необходимо было определиться со штатом погибшего, что зависело от степени виновности каждого из допрошенных.

Итак, какова итоговая картина? Вопрос ответственности за дурное снаряжение (не было «каска» или шлема на голове) очевидно замыкался на тех, кто обязан был хранить доспехи. Здесь тучи явно сгустились над несчастным Грэфендорфом: на него показывали сразу несколько лиц. Но паж оправдывался двумя аргументами: он спрашивал покойного государя о каске и тот не пожелал ее надеть. Долг исполнен, но воля герцога была решающей. Впрочем, еще важнее было другое: по меньшей мере четверо из 18 указывали на мнение самого их господина: он якобы отказывался надеть ее, подражая главнокомандующему, маркграфу Георгу Фридриху и, видимо, прочим командирам, сражавшимся в тот день с незащищенными головами. Так утверждали Кристиан Райм, Гайсберг, Дахсберг и трубачи — все либо военные, либо близкие слуги, бывшие непосредственными очевидцами и свидетелями.

Мнение должно было казаться вполне убедительным: Иоганн Фридрих к тому дню уже успел повидаться с побежденным баденским родственником. Тот сам получил рану пикой в голову, обезобразившую его лицо на всю жизнь. Возможно, тогда же маркграф признался и в отсутствии шлема. Кроме того, двое, помимо Грэфендорфа, утверждали, будто Магнус дважды в день битвы надевал доспехи: первый раз, видимо, еще до полудня, и второй раз — когда началась решающая фаза битвы. Оба раза все требуемое предоставлялось ему тотчас. Итак, прямая вина снималась с Грэфендорфа и тех, кто отвечал за доспехи. Но оставалось подозрение в нерадении: Гайсберг говорил о каких-то недостатках в снаряжении, якобы имевшихся еще за несколько дней до битвы. Впрочем, мнение это никем более не подтверждалось. Зато почти все говорили об отсутствии каких-либо жалоб со стороны патрона на их службу. Со слов трубача Рюдигера Флек становится ясно, что

чело покойного было прикрыто простой шляпой: ее якобы добыл некий солдат из полка Гольдштейна.

Вопрос с доспехами и о причинах столь жестоких ранений головы представляется исчерпанным. Ясность проступала и касательно поведения слуг при особе князя во время боя. Почти все согласно свидетельствовали: они находились в обозе по личному распоряжению самого господина. Разница была лишь в деталях: Гrefендорф, Райм, Гайсберг указывали на личных слуг (*Auffwarter*), бывших с Магнусом при начале сражения. Гайсберг их перечисляет (он сам, Буттфельд, Гrefендорф, оба Дахсберга), Райм называет и число — 5. Остальные оставались в обозе с самого начала. Слуги говорили вполне согласно: Магнус попросту их прогнал, велел убираться, кто куда хочет. Но все ли последовали ему? Со слов участников битвы складывается впечатление, что по меньшей мере шталмейстер Буттфельд, Гайсберг и Дахсберг были в бою и только там потеряли герцога из виду. Причем из всех только Гайсберг сообщает детали: он был рядом со своим господином, пока не завязался ближний бой в конном строю. Ни он, ни другие не стали свидетелями смерти Магнуса: множество случайностей, не в последнюю очередь пыль, дым и спутанность движений отделили полковника от его слуг.

Насколько показания казались убедительны? Бывшие рядом с Магнусом говорили о личном участии в бою: Гайсберг, Дахсберг и шталмейстер Буттфельд с их слов стреляли и убивали солдат Лиги. Сказанное трубачами скорее подчеркивают личную храбрость Магнуса: со слов Рюдигера, Флек в свою последнюю атаку герцог бросился лишь с тремя эскадронами и сразу на два неприятельских полка. Свидетельство личного мужества обнаруживаются и в ранах, полученных до смерти: герцога, уже раненого, видело сразу несколько человек во время сражения. Весьма важным для Иоганна Фридриха должно было быть сообщение шталмейстера Буттфельда: якобы Магнуса, уже раненого, упрашивал покинуть поле ротмистр Зекендорф, но тот собирался «порубиться еще раз».

Наконец, весьма ярко протокол выпячивал мотивы покойного князя. Еще перед решающей схваткой получив депешу от брата, он решил не покидать поле битвы, считая столь сомнительный поступок ущербом для своей репутации.

Прямо и косвенно показания, конечно же, оправдывали самих слуг. И они же позволяли выстроить основу к последующей глобализации покойного, сложить из деталей настоящий портрет павшего героя. Магнус защищал свою репутацию, вмешиваясь в сражение; он же презирал опасность, бросаясь в сомнительную атаку и получив раны как знак личного подвижничества; он же не хотел уступать в достоинствах чести старшим начальникам, отказавшись надеть шлем подобно маркграфу и прочим старшим командирам. Его же гибель в одиночестве, вдали от личных слуг и подчиненных, венчала портрет. Комбинация символических элементов и личной доблести формировала картину воплощенной дворянской добродетели.

Иоганн Фридрих, однако, не ограничивался розыском среди ближайшего круга. Видимо, одновременно и, может быть, чуть раньше шел опрос среди братьев по несчастью — военных на службе маркграфа. Причем то, насколько важным виделось мероприятие, подчеркивала фигура знаменитого Бенджамина Бувингхаузена фон Вальмероде, доверенного советника и друга герцога, занимавшегося расследованием. О результатах нам сообщает приложенное к отчету его собственноручное письмо на высочайшее имя и без даты.

В Дурлахе Бувингхаузен расспрашивал об обстоятельствах гибели Магнуса тамошние «княжеские персоны, офицеров, рыцарей и прочих кавалеров». Текст являет своего рода квинтэссенцию проведенных мероприятий, отвечает на оба вопроса — о поведении слуг и собственно покойного герцога. По Бувингхаузену показания слуг совпадают с тем, что он слышал в Дурлахе от означенных «кавалеров». Лица, окружавшие покойного, едва ли поступили против своего долга и того, что им вменялось по обязанностям. Единственное отягчающее обстоятельство — их отзыв с поля битвы в обоз. Но сделано он было лично павшим герцогом. Прямой вины его окружения здесь нет. Вина была у других: тех, кто оставался с герцогом в бою. Они дали себя увлечь отступающей конницей и тем нарушили присягу — оставаться при особе господина до конца. Князь же оказался предоставлен сам себе, выказал рыцарскую статью, сражаясь до последнего и пролив собственную княжескую кровь, чем заслужил вечное прощение. Очевидна

селекция: вина снималась с одних и возлагалась, по меньшей мере частично, на других, обязанных сопровождать государя в бою. Что распоряжение герцога касалось, видимо, всех, здесь оставлено без внимания: Бувингхаузен намекал на священный долг слуги не отходить от господина в минуту опасности вопреки всему.

Ожидаемые детали могли прийти и с третьей стороны — из стана врагов. Тилли уже 8 мая отправил Иоганну Фридриху пространное письмо, в котором отмечал стойкость протестантских войск, объяснял кровопролитие храбростью врага и сильно сожалел о гибели герцога³¹. Но в нем для нас не было никаких частных пояснений. Вполне возможно, однако, интересующие детали были сообщены устно герцогскому посланнику Леймингену и представителям Лиги, также прибывшими почти одновременно с Леймингеном в Штутгарт. Корректность Тилли объяснялась, конечно же, сложностью ситуации: он никак не хотел задеть интересы Вюртемберга, чей курс существенно поменялся после роспуска Унии весной 1621 г.

Каковы были итоги следствия для самих слуг? Явные репрессии, видимо, не последовали. Во всяком случае, на похоронах герцога шествовали все ключевые фигуры из числа допрошенных: Буттфельд, Гайсберг, оба Дахсберга³². Возможно, герцог не хотел, публично наказывая слуг, бросать тень на непорядки при особе ближнего родственника. Правила приличия были соблюдены.

Иоганн Фридрих до последнего пытался удержаться на нейтральной почве и не раздражать императора. Видимо, этими же мотивами объясняется потрет покойного в надгробной проповеди под пером штутгартского духовника Бернгарда Людвиг Лохера. Характерен экзордиум: для трактации был выбрано место из Ветхого Завета о скорби праотца Иоакова по сыну его Иосифу, растерзанному диким зверем³³. Даже праведник обязан знать: большая

³¹ Впервые опубликовано: *Württembergische Viertelsjahreshefte für Landesgeschichte*, 1880. S. 77–78; Перепечатано у А. Пфистера: *Pfister, A., von. Herzog Magnus von Württemberg*. S. 180–184.

³² Описание погребальной процессии приложено к надгробной проповеди Б. Лохера: *Löher, B. L. Zwo christliche Predigten gehalten über der Leich.... Magni, Hertzogen zu Württemberg...* Stuttgart, 1622. URL: <https://digital.slub-dresden.de/werkansicht/dlf/155779/1/> (24.10.2019); *Pfister, A., von. Herzog Magnus von Württemberg*. S. 186–187.

³³ *Löher, B. L. Zwo christliche Predigten*. S. 5.

война порождает большие раны. «Меч пожрал его, пожирающий меч пожрал благородного героя, от которого меж тем полны мы были надеждой, что послужит он еще не только нашему герцогству, но и всему отечеству немецкой нации. Ибо же в битве и на войне случается не иное, чем то, что меч пожирает то одного, то другого, не взирая на персоны». Смысл понятен: не всегда праведник может сохранить жизнь, война исключительно опасное дело. Весьма корректно выражено отношение и к тем, под ударами меча которых пал герцог: нигде не говорится о католическом войске, «папистах» и Лиге. Нигде не выражена пристрастность. Битва именуется жестокой, прошедшей между войсками «Максимилиана, герцога Верхней и Нижней Баварии и маркграфом Баденским». Понятно, что текст становился публичным достоянием, и Иоганн Фридрих хотел быть максимально корректным в изображении обеих сторон.

Иное дело образ самого павшего: впервые публично явлен портрет героя во всех его составляющих. Вторая проповедь здесь важнее первой, ибо поясняет структуру героического акта. Основание даровано свыше: юный герцог был статен от рождения, обладал могучей силой и энергией. К ним добавлялась «истинная» направленность его стати: во имя веры и ради службы отечеству, отчего рождается «великодушие» героя. Причина же тому — мудрость, коренившаяся в его душе, позволяющая различать добро и зло, добродетель и бесчестие. Герцог смолоду различал, где честное и где бесчестное начало. И гибель его — венец личной добродетельности³⁴. Перед концом он совершает вереницу символических жестов. За 13 дней он принимает святое причастие (на Пальмариум в Дурлахе), в день битвы по утрам седлая лошадь громко благодарил Бога, что позволил Он дожить ему до сего дня, и пророчествовал, будто всем выжившим явлены будут многие «иные знания». И, обращаясь к своим людям, призывал тех сражаться по-рыцарски, сообразуясь с их долгом, прибавляя, что лучше с честью погибнуть, чем с бесчестием жить. И доказательством его честности становится отказ следовать требованию брата оставить после битвы. Магнус не страшился смерти, отважно, будто молодой лев, сразился с врагом, и пал, им окруженный, получив 12 ран³⁵.

³⁴ *Löher, B. L. Zwo christliche Predigten. S. 29–47.*

³⁵ *Löher, B. L. Zwo christliche Predigten. S. 51–53.*

Мы видим, как глухое упоминание слуг об обращении к войску здесь превратилось в пышное вступление, призванное по законам жанра предварить собственную гибель. Ничего не сказано и об одиночестве его смерти: причина, вполне возможно, не бросать тень на слуг и вассалов Вюртембергского дома.

Текст Лоэра — один из самых ранних литературных портретов Магнуса. Разумеется, он стал итогом предварительного осмысления, и правящий герцог наверняка сам читал черновой вариант и правил его.

Но еще прежде пришли ответы на княжескую нотификацию: потекли соболезнования со стороны родственников, подданных и коллег по княжеской корпорации. Они образуют блок из 18 писем, приложенных к протоколу допроса. Условно их можно развести на несколько групп: письма от подданных (консistorии, Университета Тюбингена и сословий), имперских городов (Эсслингена, Ройтлингена), близких родственников (герцога Людвига Фридриха, вдовствующих княжен — герцогини Урсулы и пфальцграфини Доротей Марии), прочих имперских князей (маркграфа Иоахима Фридриха Бранденбург-Ансбахского, его брата Христиана, пфальцграфа Биркенфельдского Иоганна, маркграфа Христиана Вильгельма, администратора бывшей магдебургской епископии)³⁶.

Структура строго соответствовала принятому обычаю. Она распадалась на три части. В начале следовало извещение о получении печального известия, оно сменялось словами соболезнования с обязательным утешением и призывом стойко перенести утрату (что выступало кодом конфессиональной идентичности), в конце же перед эсхатоколом — звучало пожелание благополучия. Индивидуальность эмоций и детали растворялись во всех трех блоках. Попробуем их обобщить. Соболезнования, пришедшие от подданных, нигде не содержали партийно-религиозную пристрастность сражения. Она именуется «несчастной», но большей частью «жестокой», «сильной» в смысле «крупной, значительной», наконец «весьма жаркой». Враг, с которым сражался Магнус, баварские войска. Консистория писала, что герцог принял смерть

³⁶ HStAS G 82 Bū 2. Письма предваряют отчет о допросе слуг.

от «баварского войска». Бургомистры Эсслингена — что Магнус пал в битве между «баденским войском и баварским генералом». Более точно определяло письмо маркграфа Христиана: князь погиб в битве между «баварскими, веймарскими и баденскими войсками». О Лиге и тем более ее католической идентичности — ни слова. Ни одно из них не упоминает и испанцев.

По-разному выглядят пассажи, дарованные самому покойному. Общим местом было то, что он выказал «героическую статью» и «по-рыцарски сражался». Детали, однако, различались, указывая на степень осведомленности самих писавших: вряд ли они могли что-либо добавить помимо конфиденциальной информации, переданной вместе с посланцами Иоганна Фридриха. Магнус пал, писала вдовствующая пфальцграфиня Урсула, «наряду со многими прочими достойными людьми и солдатами, будучи окруженным врагом, после того как долгое время бился мужественно и по-рыцарски»³⁷. Ее родственница пфальцграфиня Доротея Мария добавляла: «пал и остался лежать на месте» (*uff dem Platz geblieben*)³⁸. Деталь явно усиливает героину: герцог один против многих. Павший остался лежать на поле боя — следовательно, не бежал, не погиб от ран при отступлении, не искал спасения в бегстве. Бургомистры города Эсслингена: герцог «побежден был противной стороной и пал под мечом, сражаясь по-рыцарски и стойко, подобно истинному герою»³⁹. Пфальцграф Цвейбрюккена Иоганн говорил о «полученных многих ранах и попаданий пуль»⁴⁰. Постскриптум, написанный собственноручно, выдавал искреннюю скорбь: он и покойный относились к друг другу с уважением и любовью. «Следует, впрочем, принять непостижимую волю Всевышнего и воздать покойному государю славу за то, что выказал себя мужественно и по-рыцарски». Маркграф Христиан упомянул еще 12 «смертельных различным образом полученных ран, а также два попадания пули»⁴¹.

Несколько иначе выстраивались мотивы герцогской смерти. Они ощущались главным образом в трактации утраты, следовавшей

³⁷ HStAS G 82 Bū 2. Письмо Иоганну Фридриху от 2/12 мая 1622 г.

³⁸ HStAS G 82 Bū 2. Письмо Иоганну Фридриху от 3/13 мая 1622 г.

³⁹ HStAS G 82 Bū 2. Письмо Иоганну Фридриху от 21/31 мая 1622 г.

⁴⁰ HStAS G 82 Bū 2. Письмо Иоганну Фридриху от 15/25 мая 1622 г.

⁴¹ HStAS G 82 Bū 2. Письмо Иоганну Фридриху от 11/21 мая 1622 г.

за изображением битвы и гибели. Маркграф Иоахим Эрнст выказывал убежденность, что покойный стяжал «особливую репутацию, аффекцию и бессмертную славу героической, княжеской отвагой и стойкостью во имя возлюбленного отечества, его свободы и на потребу веры» (*zu den geliebten vatterland, dessen libertet unnd zufferst der religion*)⁴². Почти вторил ему брат его Христиан: покойный надолго останется в памяти его семейства в силу «героического, мужественного, стойкого немецкого духа», каковой он явил в сии столь опасные времена для нашего возлюбленного отечества». Пфальцграф Иоганн говорил о том, сколь много потеряло с Магнусом «евангелическое дело».

Собственные подданные предпочитали акцентировать пользу погибшего государя на благо веры и страны. Консистерия видела в Магнусе пример на пользу в первую очередь всему герцогству и великому делу защиты истинной христианской веры. Сословия — что покойный при взгляде на его «героическую статью» и «при божьей помощи» был бы «защитой и покровом всему достославному Дому, стране и людям» наряду с правящим герцогом — всякий раз и «особливо при нынешних тягчайших и прискорбных временах».

Активная имперская ипостась погибшего — борца за «немецкую свободу», под которой понимали прирожденные права имперских сословий, попранных Лигой и императором, явлена лишь у соратников по Унии. Иоахим Эрнст выражал ее наиболее четко. Сословия и родня заметно локализуют роль Магнуса. Он страж прежде всего родного Дома и подданных. Но если в изображении гибели враг персонифицирован, то здесь говорится только о тяжелых временах и «ныне идущей войне».

Разумеется, мы видим след тревог самого Иоганна Фридриха. Столь трагичная и «ненужная» по политическим расчетам смерть вынуждала его маневрировать. Его окружение прекрасно понимало, что новая волна радикальной пропаганды лишь ухудшит положение герцогства — почти беззащитного перед армией Лиги. И нотификация и ответные соболезнования, несомненно, несли печать большой осторожности. Риторика борьбы уступала место скорби, выпячивая строго индивидуальную добродетель павшего.

⁴² HStAS G 82 Вü 2. Письмо Иоганну Фридриху от 11 (21 мая) 1622 г.

Магнус своей гибелью словно бы являл симфонию достоинств истинного дворянина безотносительно к объекту борьбы. Сам этот объект преподан, особенно сословиями, исключительно оборонительно: не против кого-либо, а ради защиты, причем преимущественно в региональном контексте: Дома и его подданных. Тень мертвого брата не должна была еще больше омрачить отношения с императорским престолом. Канцелярская стилистика и давние нормативы играли здесь только на руку: они помогали сгладить резкие грани. Показательным представляется, например, мотив брэнности, обычный при подобных жанрах, но здесь подчас сильно акцентированный, особенно в соболезнованиях подданных и ответных письмах Иоганна Фридриха. Он словно подавлял мысль о реванше над теми, от руки которых пал покойный государь⁴³.

Смог ли Иоганн Фридрих удержать реакцию в нужном русле? Очень быстро Магнус стал кумиром протестантской литературы: на страницах знаменитой поэмы Бернгарда Дитерлина, появившейся уже в 1623 г., он предстал исполненным добродетелей, вобравшим все то созвездие достоинств, о которых спешили сообщить современники его смерти⁴⁴. Погибший стал первым отпрыском имперского княжеского дома столь высокого ранга, павшим на полях войны. И пройдет еще десять лет, прежде чем гибель шведского короля под Лютценом в 1632 г. не потеснит своей эпикой образ вюртембергского государя⁴⁵.

⁴³ См., например, черновик ответного письма Иоганна Фридриха городскому совету Ройтлингену от 25 мая (6 июня) 1622 г.

⁴⁴ *Dieterlin, B. Magneis, Sive Poëma Heroicum de Vita et Obitu Illustrissimi ac Celsissimi Principis ac Domini, Dn. Magni, Ducis Wirtembergensis Ac Teccensis, Comitum Montispeligardi, Domini in Heydenheim, etc. p. m.: qui Anno 1622. 26. April. tristissimo illo praelio, quod cum Copiis Serenissimi Bavariae Ducis Maximiliani, etc. Illustrissimus Princeps, Georgivs Fridericvs, Marchio Badensis adversum fecit, Inter Hailbronnam Et Wimpinam, In Agro Obereisheimensi Wirtembergico fortiter occubuit sepultus Stutgardiae more solenni.. Addita sunt ad Calcem Epicedia In obitum Illustrissimae Principis ac Dominae, Dominae Heinricae &tc. Virginis eDomo Wirtembergica Moribus et formâ pulcherrimae Anno 1623. sub ipsum veris initium 18. Februarii denatae; Поэма обстоятельно исследована В. Кюльманном: *Kühlmann, W. Der «Heldentod» (1622) des Magnus von Württemberg...**

⁴⁵ Из новой литературы о посмертном культе «льва Севера»: Gustav Adolf, König

Оба случая роднили очевидные параллели. Герой обречен на гибель, он предваряет свою смерть рядом символических жестов, содержащих речевую аккламацию мотивов и цели подвига, они же выражали предчувствие конца. Герой принимает смерть в одиночестве или «почти» в одиночестве. Герой бьется в окружении врагов (противостоит один многим). Наконец, свидетелями подвига становятся полученные раны, их множество и их тяжесть. Посмертный гравированный портрет Магнуса, до мелочей фиксирующий раны на его голове, визуально воплощал его добродетель.

Подозрение на ущемление сословного статуса, бросившего тень на погибшего из-за недостойного поведения слуг, оказалось встроено в стратегию легитимации. О слугах «забыли», а подвиг предстал еще масштабней. Правящий герцог сумел избежать опасных для династии акцентов, одновременно позволив развернуть сильную картину индивидуальных добродетелей своего погибшего брата. Герой состоялся и положил начало посмертному мифу.

Информация о статье

Прокопьев, А. Ю., Лурье, З. А. О гибели героя и нерадивости слуг: Герцог Магнус Вюртембергский в зеркале посмертного расследования (1622 г.), В кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2019. Вып. 5 (1). С. 36–71.

УДК 94(430).04

Андрей Юрьевич Прокопьев, д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9)

a.prokopiev@spbu.ru

Зинаида Андреевна Лурье, к. и. н., ассистент, Факультет иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9)

z.lurie@spbu.ru

Статья ставит в центр внимания феномен рождения «героя» и «героического мифа» на примере герцога Магнуса Вюртембергского (1594–1622). Младший брат правившего герцога Вюртемберга Магнус погиб в битве под Вимпфеном 6 мая 1622 г., сражаясь на стороне протестантских войск против

von Schweden. Die Kraft der Erinnerung 1632–2007 / Hrsg. von M. Reichel, I. Schuberth. Dössel, 2007; *Schuberth, I.* Schlacht und die Erinnerung. Lützen, 1632. Dössel, 2016.

армии Католической Лиги. Обстоятельства его смерти побудили начать расследование в кругу ближайших слуг герцога. Из результатов этого расследования, равно как из отзывов современников, возник образ государя-мученика, одного из первых в протестантской Германии периода Тридцатилетней войны. Что являлось слагаемым этого мифа? Каковы были главные акценты? Что из себя представляла стратегия династической легитимации правящего Дома Вюртемберга? Насколько типичным оказался портрет героя в сравнении с последующими культами, прежде всего шведского короля Густава Адольфа, погибшего под Лютценом в 1632 г.? Использован фонд неопубликованных документов из главного государственного архива Штутгарта.

Статья написана в рамках проекта РФФИ «Европа в эпоху Реформации и Контрреформации: дипломатическая переписка европейских дворов XVI – первой половины XVII вв.» (17-01-00121-ОГН)

Ключевые слова: Вюртемберг, Тридцатилетняя война, Магнус Вюртембергский, дворянство, Священная Римская империя, Германия

Information on the article

Prokopiev, A. Yu., Lurie, Z. A. O gibeli geroya i neradivosti slug: Gertsog Magnus Vyurtembergskiy v zerkale posmertnogo rassledovaniya (1622 g.) [On the death of a hero and negligence of servants: Duke Magnus of Württemberg in the mirror of a posthumous investigation (1622)], in: *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*, 2019. Vol. 5 (1). P. 36–71.

Andrey Yur'evich Prokopiev, doctor of History, professor, Saint-Petersburg State University (199034, Rossiya, Sankt-Peterburg, Universitetskaya nab., 7/9)

a.prokopiev@spbu.ru

Zinaida Andreevna Lurie, doctor of History, assistant lecturer, Faculty of foreign languages, Saint-Petersburg State University (199034, Rossiya, Sankt-Peterburg, Universitetskaya nab., 7/9)

z.lurie@spbu.ru

The article focuses on the phenomenon of the birth of a «hero» and «heroic myth» analyzing the example of the Duke Magnus of Württemberg (1594–1622). The younger brother of the ruling Duke of Württemberg Magnus died in the battle of Wimpfen on May 6, 1622, fighting on the side of the Protestant forces against the army of the Catholic League. The circumstances of his death prompted an investigation into the circle of the duke's closest servants. From the results of this investigation, as well as from the reviews of contemporaries, the image of the sovereign martyr, one of the first in Protestant Germany during the Thirty Years War arose. What was the component of this myth? What were the main accents? What was the strategy of dynastic legitimation of the ruling House

of Württemberg? How typical was the portrait of the hero in comparison with subsequent cults, especially the Swedish king Gustav Adolf, who died near Lutzen in 1632? To answer these questions the fund of unpublished documents from the main state archive of Stuttgart was used.

The article was written as part of the RFBR project «Europe in the era of the Reformation and Counter-Reformation: diplomatic correspondence of European courts of the 16th – first half of the 17th centuries» (17-01-00121-OGN).

Key words: Württemberg, Thirty Years War, Magnus of Württemberg, nobility, Holy Roman Empire, Germany

Список источников и литературы

Bernhard Dieterlin. Magneis, Sive Poëma Heroicum de Vita et Obitu Illustrissimi ac Celsissimi Principis ac Domini... Stuttgart, 1623.

Brezekinski, R., Hook, R. Die Armee Gustav Adolf. Infanterie und Kavallerie. Königswinter: Siegler Verlag, 2006. 96 S.

Brombacher, F. Der Tod der 400 Pforzheimer nicht eine Sage, sondern eine That-sache. Pforzheim: J. W. Flammer, 1886. 181 S.

Burke, P. To be a Counter-Reformation Saint, in: *Religion and Society in Early Modern Europe 1500–1800*. London: German Historical Institute, 1984. P. 48–62.

Coste, D. Die 400 Pforzheimer, in: *Historische Zeitschrift*. 1874. Bd 32. S. 23–48.

Gmelin, M. Beiträge zur Geschichte der Schlacht bei Wimpfen. Karlsruhe: G. Braunschen Hofbuchhandlung, 1880. 184 S.

Gothein, E. Die badischen Markgrafschaften im 16. Jahrhundert. Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1910. 74 S.

Gotthard, A. «Bey der Union ain Directorium»: Benjamin Bouwinghausen und die protestantische Aktionspartei, in: *Dimensionen der europäischen Außerpolitik zur Zeit der Wende vom 16. bis zum 17. Jahrhundert* / Hrsg. von F. Beiderbeck. Berlin, 2003. S. 161–186.

Gotthard, A. Benjamin Bouwinghausen: Wie bekommen wir die «Männer im zweiten Glied» in den Griff?, in: *Persönlichkeit und Geschichte* / Hrsg. von H. Altrichter. Erlangen: Palm et Enke, 1997. S. 69–103.

Gotthard, A. Friedrich Achilles, in: *Das Haus Württemberg: Ein biographisches Lexikon* / Hrsg. von S. Lorenz, D. Mertens, V. Press. Stuttgart: Kohlhammer, 1997. S. 149.

Gotthard, A. Konfession und Staatsräson: Die Außenpolitik Württembergs unter Herzog Johann Friedrich (1608–1628). Stuttgart: Kohlhammer, 1992. XXXI + 498 S.

Gotthard, A. Magnus Herzog von Württemberg, in: *Das Haus Württemberg. Ein biographisches Lexikon* / Hrsg. von S. Lorenz, D. Mertens, V. Press. Stuttgart: Kohlhammer, 1997. S. 150.

Hahloeweg, W. Griechisches, römisches und byzantisches Erbe in den hinterlassenen Schriften des Markgrafen Georg Friedrich von Baden: Eine kombinierte Studie

zur Geschichte des Renaissanceproblems, in: *Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins*. 1950. Bd 98. S. 38–114.

Kampmann, Chr. Europa und das Reich im Dreißigjährigen Krieg. Geschichte des europäischen Konflikts. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 2008. 235 S.

Koch, E. Das konfessionelle Zeitalter — Katholizismus, Luthertum, Calvinismus (1563–1675). Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2000. 359 S.

Köpf, U. Die Tübinger Theologische Fakultät zwischen Reformation und Dreißigjährigen Krieg, in: *Universität Tübingen: Festgabe für Dieter Mertens zum 70. Geburtstag* / Hrsg. von U. Köpf. Tübingen, Ostfildern: Thorbecke, 2010. S. 101–118.

Kühlmann, W. Der «Heldentod» (1622) des Magnus von Württemberg in Bernhard Dieterlins Magneis (1623), in: *Daphnis*. 2018. Bd 46. S. 143–187.

Kühlmann, W. Die Schlacht bei Wimpfen (1622) und der Reitertod des Herzogs Magnus von Württemberg (1594–1622), in: *Medienphantasie und Medienreflexion in der Frühen Neuzeit: Festschrift für Jörg Jochen Berns* / Hrsg. von Th. Rahn, H. Rößler. Wiesbaden: Harrassowitz, 2018. S. 159–181.

Ledderhose, K. F. Aus dem Leben des Markgrafen Georg Friedrich von Baden. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1890. 108 S.

Löher, B. L. Zwo christliche Predigten gehalten über der Leich... Magni, Hertzogen zu Württemberg... Stuttgart, 1622. URL: <https://digital.slub-dresden.de/werkansicht/dlf/155779/1/> (дата обращения: 24.10.2019).

Magirus, H. Das Moritzmonument im Freiburger Dom: Ein Gemeinschaftswerk italienischer, niederländischer und deutsche Künstler zum Andenken an eine hervorragende Fürstenpersönlichkeit, in: *Kurfürst Moritz und die Renaissance* / Hrsg. von Dresdner Geschichtsverein. Dresden: Dresdner Geschichtsverein e. V. Red, 1997. S. 87–92.

May, H. Der Einfluss der Reformation auf Kirchenbau und kirchliche Kunst, in: *Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen. Festgabe zum 450jährigen Bestehen der evangelisch-lutherischen Landeskirche Sachsens* / Hrsg. von H. Junghans. Berlin: Evang. Verl.-Anst., 1989. S. 153–176.

Mayer, H. E. Geschichte der Kreuzzüge. Stuttgart/Berlin/Köln/Mainz: Kohlhammer, 1980. 302 S.

Parker, G. Der Dreißigjährige Krieg. München: Campus, 1991. 401 S.

Persönlichkeit und Geschichte. Erlanger Studien zur Geschichte / Hrsg. von H. Altrichter. Erlangen/Jena: Palm & Enke, 1997. 260 S.

Pfister, A. V., von. Herzog Magnus von Württemberg. Ein Lebensbild aus dem Anfang des 17. Jahrhunderts. Stuttgart: Kohlhammer, 1891. 208 S.

Raff, G. Hie gut Wirtemberg allewege. Bd 2: Das Haus Württemberg von Herzog Friedrich I. bis Herzog Eberhard III. Mit den Linien Stuttgart, Mömpelgard, Weitingen, Neuenstadt am Kocher, Neuenbürg und Oels in Schlesien. 4. Auflage. Schwaigern: Landhege, 2014. 823 S.

Reitzenstein, K. Frh., von. Der Feldzug des Jahres 1622 am Oberrhein und in Westfalen bis zur Schlacht von Wimpfen. München: P. Zippers Buchhandlung, 1891. 424 S.

Roth, M. Die Abdankung Markgraf Georg Friedrichs von Baden-Durlach. Ein Fürst im Unruhestand, in: *Thronverzicht: Die Abdankung in Monarchien vom Mittelalter bis in die Neuzeit* / Hrsg. von S. Richter, D. Dirbach. Köln/Weimar/Wien, 2010. S. 191–212.

Sauer, P. Herzog Friedrich I. von Württemberg 1557–1608: Ungestümer Reformier und weltgewandter Autokrat. München: Dt. Verl.-Anst., 2003. 305 S.

Schmidt, G. Die Reiter der Apokalypse. Geschichte des Dreißigjährigen Krieges. München: C. H. Beck, 2018. 810 S.

Schuberth, I. Schlacht und die Erinnerung. Lützen, 1632. Dössel: Verlag Janos Stekovics, 2016. 298 S.

Württembergische Viertelsjahreshefte für Landesgeschichte. 1880. S. 77–78.

Прокопьев, А. Ю. Сакральная миссия границы: Вюртемберг в конфессиональную эпоху, В кн.: *Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени* / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2012. Вып. 9. С. 107–129.

Прокопьев, А. Ю. Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1585–1656): Власть и элита в конфессиональной Германии. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2011. 821 с.

Прокопьев, А. Ю. Светская и духовная власть в ранней ортодоксии: Поликарп Лейзер Старший (1552–1610), В кн.: *Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии*. 2016. Вып. 5. С. 198–233.

Флори, Ж. Идеология меча: Предыстория рыцарства / Пер. с фр. М. Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 1999. 320 с.

Архивные материалы

Главный государственный архив Штутгарта
HStAS G 82 Bū 2

References

Altrichter, H. (Hrsg.) Persönlichkeit und Geschichte: Erlanger Studien zur Geschichte. Erlangen/Jena: Palm & Enke, 1997. 260 S.

Brezekinski, R., Hook, R. Die Armee Gustav Adolf. Infanterie und Kavallerie. Königswinter: Siegler Verlag, 2006. 96 S.

Brombacher, F. Der Tod der 400 Pforzheimer nicht eine Sage, sondern eine Tatsache. Pforzheim: J. W. Flammer, 1886. 181 S.

Burke, P. To be a Counter-Reformation Saint, in: *Religion and Society in Early Modern Europe 1500–1800*. London: German Historical Institute, 1984. P. 48–62.

Coste, D. Die 400 Pforzheimer, in: *Historische Zeitschrift*, 1874. Bd 32. S. 23–48.

Bernhard Dieterlin. Magneis, Sive Poëma Heroicum de Vita et Obitu Illustriſſimi ac Celsiſſimi Principis ac Domini... Stuttgart, 1623.

Flori, Zh. Ideologiya mecha. Predystoriya rytsarstva [The ideology of the sword. The background of chivalry]. Saint-Petersburg: Evraziya, 1999. 320 p. (in Russian)

Gmelin, M. Beiträge zur Geschichte der Schlacht bei Wimpfen. Karlsruhe: G. Braunschen Hofbuchhandlung, 1880. 184 S.

Gothein, E. Die badischen Markgrafschaften im 16. Jahrhundert. Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1910. 74 S.

Gotthard, A. «Bey der Union ain Directorium»: Benjamin Bouwinghausen und die protestantische Aktionspartei, in: *Dimensionen der europäischen Außerpolitik zur Zeit der Wende vom 16. Bis zum 17. Jahrhundert* / Hrsg. von F. Beiderbeck. Berlin, 2003. S. 161–186.

Gotthard, A. Benjamin Bouwinghausen: wie bekommen wir die «Männer im zweiten Glied» in den Griff?, in: *Persönlichkeit und Geschichte* / Hrsg. von H. Altrichter. Erlangen: Palm et Enke, 1997. S. 69–103.

Gotthard, A. Friedrich Achilles, in: Lorenz, S., Mertens, D., Press, V. (Hrsg.) *Das Haus Württemberg. Ein biographisches Lexikon*. Stuttgart: Kohlhammer, 1997. S. 149.

Gotthard, A. Konfession und Staatsräson: Die Außenpolitik Württembergs unter Herzog Johann Friedrich (1608–1628). Stuttgart: Kohlhammer, 1992. XXXI+498 S.

Gotthard, A. Magnus Herzog von Württemberg, in: Lorenz, S., Mertens, D., Press, V. (Hrsg.) *Das Haus Württemberg. Ein biographisches Lexikon*. Stuttgart: Kohlhammer, 1997. S. 150.

Hahlweg, W. Griechisches, römisches und byzantisches Erbe in den hinterlassenen Schriften des Markgrafen Georg Friedrich von Baden. Eine kombinierte Studie zur Geschichte des Renaissanceproblems, in: *Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins*. 1950, Bd 98. S. 38–114.

Kampmann, Chr. Europa und das Reich im Dreißigjährigen Krieg: Geschichte des europäischen Konflikts. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 2008. 235 S.

Koch, E. Das konfessionelle Zeitalter – Katholizismus, Luthertum, Calvinismus (1563–1675). Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2000. 359 S.

Köpf, U. Die Tübinger Theologische Fakultät zwischen Reformation und Dreißigjährigen Krieg, in: Köpf, U. (Hrsg.) *Universität Tübingen: Festgabe für Dieter Mertens zum 70. Geburtstag*. Tübingen/Ostfildern: Thorbecke, 2010. S. 101–118.

Kühlmann, W. Der «Heldentod» (1622) des Magnus von Württemberg in Bernhard Dieterlins Magneis (1623), in: *Daphnis*, 2018. Bd 46. S. 143–187.

Kühlmann, W. Die Schlacht bei Wimpfen (1622) und der Reitertod des Herzogs Magnus von Württemberg (1594–1622), in: Rahn, Th., Rößler, H. (Hrsg.) *Medienphantasie und Medienreflexion in der Frühen Neuzeit. Festschrift für Jörg Jochen Berns*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2018. S. 159–181.

Löher, B. L. Zwo christliche Predigten gehalten über der Leich... Magni, Hertzogen zu Württemberg... Stuttgardt, 1622. URL: <https://digital.slub-dresden.de/werkansicht/dlf/155779/1/> (24.10.2019).

Ledderhose, K. F. Aus dem Leben des Markgrafen Georg Friedrich von Baden. Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1890. 108 S.

Magirius, H. Das Moritzmonument im Freiburger Dom: Ein Gemeinschaftswerk italienischer, niederländischer und deutsche Künstler zum Andenken an eine hervorragende Fürstenpersönlichkeit, in: Dresdner Geschichtsverein (Hrsg.) *Kurfürst Moritz und die Renaissance*. Dresden: Dresdner Geschichtsverein e. V. Red, 1997. S. 87–92.

May, H. Der Einfluss der Reformation auf Kirchenbau und kirchliche Kunst, in: Junghans, H. (Hrsg.) *Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen: Festgabe zum 450jährigen Bestehen der evangelisch-lutherischen Landeskirche Sachsens*. Berlin: Evang. Verl.-Anst., 1989. S. 153–176.

Mayer, H. E. Geschichte der Kreuzzüge. Stuttgart/Berlin/Köln/Mainz: Kohlhammer, 1980. 302 S.

Neues Württembergisches Dienerbuch / Bearb. von W. Pfeilsticker. Bd 1: Hof, Regierung, Verwaltung. Stuttgart : Cotta, 1957. 1271 S.

Parker, G. Der Dreißigjährige Krieg. München: Campus, 1991. 401 S.

Persönlichkeit und Geschichte. *Erlanger Studien zur Geschichte* / Hrsg. von H. Altrichter. *Erlangen*; Jena: Palm & Enke, 1997. 260 S.

Pfister, A., von. Herzog Magnus von Württemberg: Ein Lebensbild aus dem Anfang des 17. Jahrhunderts. Stuttgart: Kohlhammer, 1891. 208 S.

Preilsticker, W. (Bearb.) Neues Württembergisches Dienerbuch. Bd 1: Hof, Regierung, Verwaltung. Stuttgart: Cotta, 1957. 1271 S.

Prokopiev, A. Yu. Iogann Georg I kurfyurst Saksonii (1585–1656). Vlast' i elita v konfessional'noy Germanii [Johann George I Elector of Saxony (1585–1656). Power and elite in confessional Germany]. Sankt-Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, 2011. 821 p. (in Russian)

Prokopiev A. Yu. *Sakraĭ naya missiya granitsy: Vyurtemberg v konfessional' nuyu epokhu* [Sacred mission of the border: Württemberg in the confessional era], in: Lebedeva, G. E. (Ed.) *Problemy sotsial'noy istorii i kul'tury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni*. Sankt-Petersburg, 2012. Vol. 9. P. 107–129. (in Russian)

Prokopiev, A. Yu. Svetskaya i dukhovnaya vlast' v ranney ortodoksii: Polikarp Leyzer Starshiy (1552–1610) [Secular and spiritual power in the early Lutheran orthodoxy: Polykarp Leyser the Elder (1552–1610)], in: *Religiya. Tserkov'. Obshchestvo. Issledovaniya i publikatsii po teologii i religii*, 2016. Vol. 5. P. 198–233. (in Russian)

Raff, G. Hie gut Wirtemberg allewege. Bd 2: Das Haus Württemberg von Herzog Friedrich I. bis Herzog Eberhard III. Mit den Linien Stuttgart, Mömpelgard, Weiltigen, Neuenstadt am Kocher, Neuenbürg und Oels in Schlesien. 4. Auflage. Schwaigern: Landhege, 2014. 823 S.

Reichel, M., Schubert, I. (Hrsg.) Gustav Adolf, König von Schweden. Die Kraft der Erinnerung 1632–2007. Dössel: Verlag Janos Stekovics, 2007. 272 S.

Reitzenstein, K., Frh., von. Der Feldzug des Jahres 1622 am Oberrhein und in Westfalen bis zur Schlacht von Wimpfen. München: P. Zipper's Buchhandlung, 1891. 424 S.

Roth, M. Die Abdankung Markgraf Georg Friedrichs von Baden-Durlach. Ein Fürst im Unruhestand, in: Richter, S., Dirbach, D. (Hrsg.) *Thronverzicht: Die Abdankung in Monarchien vom Mittelalter bis in die Neuzeit*. Köln/Weimar/Wien, 2010. S. 191–212.

Sauer, P. Herzog Friedrich I. von Württemberg 1557–1608: Ungestümer Reformier und weltgewandter Autokrat. München: Dt. Verl.-Anst., 2003. 305 S.

Schmidt, G. Die Reiter der Apokalypse: Geschichte des Dreißigjährigen Krieges. München: C. H. Beck, 2018. 810 S.

Schubert, I. Schlacht und die Erinnerung. Lützen, 1632. Dössel: Verlag Janos Stekovics, 2016. 298 S.

Württembergische Viertelsjahreshefte für Landesgeschichte. 1880. S. 77–78.

Archival materials

State archive of Stuttgart
HStAS G 82 Bü 2